

4. Спорт в зеркале журналистики : (о мастерстве спорт. журналиста) : [сб.] / [сост. Г.Я. Солганик]. - М.: Мысль, 1989. - 223 с.
5. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В., Кодзасов С.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. - М., 1993.

УДК 82.09 (479.24)

ПРОБЛЕМА СЮЖЕТА И ТИПОВ В ТВОРЧЕСТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ САТИРИКОВ

Б. Бабаев

Институт литературы им. Низами НАН, Азербайджан

Тип в комических произведениях – изображение отрицательных людей. события в комедии, развиваясь последовательно, в соответствии с определенными принципами в сторону финала, получают логическое завершение. фабула, характеры, мысли, сценические условия, выразительность словами и музыкальная композиция являются составной частью представлений, подготовленных на основе такого рода произведений. Аристотель писал в «поэтике»: «комедия, как мы сказали, есть воспроизведение худших людей. однако не в смысле полной порочности, но поскольку смешное есть часть безобразного: смешное – это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное» [1, 83]. Образы при первом чтении не должны вызывать у читателя антипатию, хотя и имеют отрицательную природу. независимо от того, какие отношения к себе порождают они, это не должно влиять на общий вид. в этом можно убедиться на примере отдельных образов, созданных нашими классиками. В персонаже имеются многие специфические особенности, которые необходимо учесть. но как эти специфические особенности поэтики учитываются тем или иным автором, зависит от его таланта и уровня мастерства.

Рассматривая характеры, Аристотель выделял четыре пункта, которые необходимо иметь в виду и отмечал: «...первый и самый важный – чтобы они были благородны. действующее лицо будет иметь характер, если, как было сказано, в речи или действии обнаружит какое-либо направление воли, каково бы оно ни было; но этот характер будет благородным, если обнаружит благородное направление воли. Это может быть в каждом человеке: и женщина бывает благородной, и раб, хотя, может быть, из них первая – существо низкое, а второе – вовсе ничтожное. Второй пункт – чтобы характеры были подходящими; например, можно представить характер мужественный и

грозный. Третий пункт – чтобы характер был правдоподобен; это нечто отличное от того, чтобы создать характер нравственно благородный и подходящий, как только что сказано. Четвертый же пункт – чтобы он был последователен. даже если изображаемое лицо последовательно и таким представляется его характер, то в силу последовательности его должно представить не последовательным» [1, 83-84].

И первый азербайджанский комедиограф М.Ф. Ахундов, и сатирики конца XIX - начала XX века обращались к смешным событиям не только ради того, чтобы рассмешить, хотя во многих произведениях жизнь показывалась простой, ничтожной, далекой от какой-либо усложненности и проблематичности. Истинные сатира и юмор обретают силу лишь тогда, когда выполняют четкую эстетическую функцию, затрагивают разные аспекты жизни, охватывают недостатки, вникают во все сложности человеческого характера. и азербайджанские сатирики двигались в этом направлении. Именно так созданы убедительные и целостные образы беспринципного Курбанали бека (Дж. Мамедкулизаде. «Курбаналибек»), простодушного, бесхитростного Новрузали (Дж. Мамедкулизаде. «Почтовый ящик»), глупого, но стремящегося хитростью выправить свои дела и попавшего в идиотское положение городского (А. Ахвердов. «Бомба»). Естественно, это давалось не так-то просто. Дж. Мамедкулизаде, А. Ахвердов в названных выше рассказах достигли поставленной цели и при этом мастерски справились со стоящей перед ними задачей. Каждый из трех упомянутых выше образов отличается своим своеобразием, заставляет задуматься и запоминается. Сатирики прекрасно видели многообразие проявлений жизни, несоответствие между содержанием и формой, целью и средством, новым и старым, истинным и ложным, и целенаправленно применяя шарж, гиперболу, аллегория, гротеск и другие образительно-выразительные средства, превращали эти несоответствия в объект смеха. Они не только смешили читателя, но давали также возможность своим читателям увидеть общественное содержание и эстетическую функцию сатиры. Такие великие сатирики, как Дж. Мамедкулизаде, А. Ахвердов, Ю.В. Чеменземинли, другие молланасреддинцы, М.А. Сабир избрали именно это направление сатиры и превратили ее в оружие общественной борьбы.

Писатели, избравшие главным принципом своего творчества созвучность литературы со временем, бессодержательную с общественно-эстетической точки зрения сатиру, далекий от духовности преходящий юмор не считали творческим путем. во всех их произведениях так или иначе получают свое убедительное отражение специфика общественной среды, взаимоотношения и связи между личностью и обществом, совпадаемость диалектики общественного развития с индивидуальной психологией. Т. Шахбази, С. Гусейн, Кантемир, В. Талыблы, как и М.Дж. Мамедкулизаде, А. Ахвердов. Ю.В. Чеменземинли, уделяя особое внимание, наряду с анализом и описанием

важных общественных событий, индивидуальным качествам и действиям отдельных лиц, стремились в реалистически созданных картинах показать то, как впитавшееся в нравственность, характер, мировоззрение отжившее нелегко сдает свои позиции, с каким большим трудом новое прокладывает себе путь и побеждает, и то, какие под влиянием новых событий произошли изменения в общественной жизни и сознании человека.

Сатира, как и другие жанры литературы, получает свой материал из жизни. Просто подход художника к этому материалу не всегда дает один и тот же результат. Иногда персонаж открыто критикуется, полностью отдается во власть сатиры, не оставляя в себе скрытых оттенков. Думается, это самый упрощенный путь сатиры, к тому же этот путь не только упрощает персонаж, но и снижает доверие читателя ему. В других случаях сатирик не видит сущность создаваемого образа, довольствуется внешними, видимыми аспектами, создавая поверхностный, преходящий комизм. В отличие от некоторых своих современников А. Ахвердов выводит своих героев в реалистических ситуациях, в каждой ситуации раскрывает определенную сторону характера создаваемого образа и в конце произведения читатель видит данного типа во всей его сущности, во всех проявлениях. Ю. В. Чемезменли, С. Гусейн, В. Талыблы, Т. Шахбази и другие свои лаконичные рассказы обычно завершают четко выраженным общественно важным заключением, как бы нанося заключительные штрихи цельности характера своих героев.

Некоторые исследователи пытались отнести к сатирическим рассказам и не вызывающие смех произведения. М. Зоценко писал о своих рассказах: «Они не юмористические рассказы. говоря юмористические, мы имеем ввиду те рассказы, которые написаны для того, чтобы вызвать смех. но я пишу не для того, чтобы смешить, это от меня не зависит, такова специфика моей работы». В этом высказывании есть неточность, так как, например, если юмористическая линия не проистекает из лежащего в основе пьесы драматизма, не живет. Он не ставит перед собой цель рассмешить кого-то, создать идиллические условия для того, чтобы рассмешить кого-то, или же просто острословить; юмор рождается из самой ситуации, из условий произнесения обыкновенных слов. Ставший объектом сатиры тип сам добровольно попадает на крючок. Скажем, писатель даже не пытается «бегать» за кем-то, чтобы сделать его объектом сатиры. Тип своим поступками, несоблюдением норм поведения, занимаемой при отношении с людьми позицией, жадностью, подхалимством и прочими качествами выделяется из окружающих, вызывает антипатию. писатель долго «пестует» этого индивида, доводит до определенного положения, делает полнокровным и, создав совершенный образ, «производит на свет».

Следует иметь ввиду и такой момент: сила сатиры зависит не только от полнокровности и динамичности объекта смеха, а также от того, как

положительные идеалы подаются автором. Иными словами, если положительный идеал воспринимается как готовый идеал, обособляется от реального жизненного конфликта, принимается догмой, берется идиологией, то сатира, конечно же, теряет свою силу воздействия, остается незавершенной, неполной.

Порой и прозаикам-молланасреддинцам приходилось стоять перед дилеммой. Смена общественной формации во все времена, во всех странах была трудной и сложной. трудность отказа от старого и принятия нового (возможно, даже непринятия) сложно для всех проживающих в обществе, в том числе и для художника. Упомянутые выше писатели и в советский период своего творчества создавали произведения, отражающие общий дух эпохи, духовные качества современников, психологию конкретных образов и общества, состоящего из этих индивидов. Следует отметить еще одну характерную особенность: талант самих создателей сатирические произведения отличается своей спецификой – комическим началом, остроумием. преобладание сатиры в творчестве писателя связано прежде всего с талантом, точнее спецификой таланта, мировосприятием, отношением к происходящим, наблюдательностью, непримиримостью к происходящим в обществе несправедливостям и др. особенностями. По свидетельствам современников, Дж. Мамедкулизаде, А. Ахвердов, У. Гаджибеков обладали сильным чувством юмора. Они обладали уникальным талантом отражать в прозе комические аспекты жизни и стремились показать описываемые события во всем их противоречии. Они отражали драматизм жизни в общественных конфликтах, живых характерах, проявляющихся в столкновении антагонистических тенденций. Мастера сатиры прекрасно видели, понимали обобщающую, синтезирующую силу кратких рассказов, повестей и в целом стремились идти в ногу со временем. Такая потребность возникала из насущных требований времени, строительства нового общества и его потребности если даже не в сатирических, то хотя бы в критических произведениях. Художники-молланасреддинцы видели долг литературы и искусства, смысл жизни в служении высоким идеалам – сложному жизненному пути человека, улучшению его жизни.

Разоблачение типов в сатирических произведениях у каждого писателя, поэта отличается четко выраженным своеобразием. Каждый объект критики, он же герой-тип – и бедняк, и представитель реакционного духовенства или же чиновник - преподносится в соответствии с личностью, образом жизни, поступками своего круга людей. Такое отношение мастеров слова к типам устанавливается исходя из общественных принципов, а не индивидуальных, в соответствии с определенным мерилем.

М.А. Сабир, М.Дж. Мамедкулизаде и другие создавали такого рода произведения. Обратившись к их творчеству можно увидеть, что эти писатели на протяжении всего творческого пути своего с «ненавистью» и «иронией» писали о врагах - угнетателях народа, например, таких, как

Мухаммедали шах, султан Абдул Гамид и др. В сатирических произведениях эти писатели были более беспощадными к чиновникам, особенно высокого ранга. Все это - «массовый смех». Профессор Тофик Гаджиев считает, что «...видимо, эти мастера слова уяснили для себя, что вызывание смеха к «святым» и правителям является началом их обезоруживания. этот смех обостряет внимание бедняков и в той же мере ослабляет сильных мира сего. смех завершается общественным гипнозом врага. широкие массы, смеясь над своим врагом – правящим классом, постепенно поднимается против него. своим смехом писатель меняет отношение народа к властям, делая царей, глав государства в глазах народа беспомощными» [2, 108].

Когда зрители, читатели, видят, что сатирики подтрунивают над царями, говорят о них с иронией, меняется их отношение к сильным мира сего, правителям, подрывается вера к ним. опять-таки возникает массовый смех. А смех масс открывает путь к свержению деспотичной власти, приближает день начала борьбы.

Молланасреддинцы иронизировали над выходящей в те годы в Оренбурге газетой «дин ве меишет» («религия и быт») с тем, чтобы разоблачить ее в глазах читателей. Каждый из сатириков по-своему называл и представлял эту газету читателям. Если в сатирах Сабира название газеты трансформировалось в «Дунья ве меишет» («Мир и быт»), «Дени ве вехшет» («Подлец и ужас»), то Дж. Мамедкулизаде в фельетоне «Алебастровое ребро» называет газету «Дин ве мешегтет» («Религия и муки»): «Милые мои, когда читаю эту новость, то думаю, что я или сплю, или же загипнотизирован, то есть околдован... но как говорит так волнующая женщин «Дин ве мешегтет», вы разве слышали нечто такое с самого сотворения мира?»

В другом произведении Дж. Мамедкулизаде называет эту газеты «Дин ве меше» («Религия и лес»). Молланасреддинцы с одной стороны разоблачали направленность газеты, а с другой – обыгрывая по-разному название газеты, посредством смеха выражали свою ненависть к этому изданию. Называя газету «Дин ве меишет» то «Дени ве вехшет», то «Дин ве мешегтет», то «Дин ве меше», сатирики указывали на никчемность содержания газеты.

Сатирики-молланасреддинцы часто прибегали к эзоповскому языку, языку, который позволяет при деспотичной власти, когда слово подцензурно, когда власти оказывают давление на пишущих, намеками, иносказательно донести свою мысль до читателей. К эзоповскому языку чаще всего обращались писатели революционеры-демократы. Этот язык в начале XX века довольно четко проявляется в творчестве М.А. Сабира, Дж. Мамедкулизаде и других писателей. это было обусловлено общественно-политической ситуацией в стране. Чтобы скрыть, завуалировать свою основную мысль, идею, они прибегали к иносказанию, полностью пользуясь возможностями эзоповского языка. С тем, как трудно открыто написать о политике, Дж. Мамедкулизаде

неоднократно сталкивался при издании «Моллы насредина», о чем он упоминает и в своих «воспоминаниях».

Этот художественный прием позволял писателю в полной мере обращаться к объекту критики. По эзоповским правилам автору надлежит достойные похвалы действия, дела хулить, а достойное критики, хулы – восхвалять. Например, в «телеграфных новостях» читаем» «царит спокойствие, волк пасется вместе с ягненокм». А ведь это говорилось в то время, когда под влиянием революции 1905 года повсеместно начались волнения в народе. К этому приему писатель больше прибегал в фельетонах, материалах, опубликованных под рубриками «телеграфные новости», «это надо знать», «загадки». «Все эти литературные приемы, средства, которыми Дж. Мамедкулизаде мастерски пользовался на этом пути, пролегающем от критики религиозных понятий и догм до разъяснения простым, доступным языком народу политических проблем, сходящаяся в одной точке – ясной, четкой идейной позиции писателя, в точке опоры его писательской платформы» [3, 13].

Еще пример: «опять некоторые дети проклятых родителей начинают сбивать народ с пути, опять выходцы из рода проклятых до седьмого колена, взяв перо в поганные руки свои, призывают мусульманский мир на путь просвещения, толкают в мир чтения и письма... » Из этого примера видно, что если хула положительного была вызвана потребностью обмануть бдительность цензуры, то восхваление отрицательного преследовало ту же цель. Благодаря эзоповскому языку, использованному в данном фельетоне, выясняется, что объектом хулы здесь являются не те, кто подталкивает народ «в мир чтения и письма», а те, кто выплескивает на страницы книг слова о публичных домах.

Түйіндеме

Мақалада реалистік сатиралық прозаның тип қалыптастырудағы жазушылардың шеберлігі айтылады. Аталмыш мәселе жазушы және галымдар тарапынан ұдайы назардан тыс қалмаған. Мәселе ХХ ғасыр басындағы Әзірбайжан сатириктерінің нақты шығармалары негізінде қарастырылады.

Resume

The article is devoted to writers' skills in creation of types in realistic satiric prose. This problem was always focused on by writers and scientists. This problem is analysed on the example of definite works of Azerbaijan satiric writers of early XX century

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Об искусстве поэзии // Хрестоматия по теории литературы. - М.: Просвещение, 1982, - С.80-88.

2. Щаьыйев т.и. Сатиранын дили. - Бакы: 1975. - С. 108.

3. Мустафайев И.В. Цряйя ишыг салан тябяссцм // Щцсейнов Я. Сянят йаньысы. - Бакы: Йазычы, 1979. - С.13.

УДК 82.09 (479.24)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОМАНЕ ЧИНГИЗА ГУСЕЙНОВА «НЕ ДАТЬ ВОДЕ ПРОЛИТЬСЯ ИЗ ОПРОКИНУТОГО КУВШИНА»

В.А. Видадова

Бакинский славянский университет, Азербайджан

Творчество известного азербайджанского писателя Чингиза Гусейнова отличается глубиной поэтического осмысления и тесным сопряжением как исторических процессов, так и вечных мировоззренческих вопросов бытия. С другой стороны, он, как двуязычный писатель (азербайджанско-русское двуязычие), в своих произведениях сочетает особенности ментальные особенности и культурные традиции тюркских и славянских народов.

Важное место в творчестве писателя занимает религиозно-философская тематика – понятие джихада и религиозно-идеологические основы движения горцев в XIX веке («Фатальный Фатали»), вечные нравственные ценности, выраженные в Коране («Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина»). Также отметим, что отмеченные романы отличаются злободневностью и актуальностью содержания и соответствует творческому кредо писателя: «Индивидуальное желание художников – дать портрет героя наших дней – велико, однако, реализация его наталкивается на какие-то трудно поддающиеся теоретическому объяснению внутренние преграды. Художником овладевает прежде всего нестерпимое желание бить тревогу по поводу тех случаев и фактов, когда идеал нарушается. Он стремится как бы предупредить общество, сигнализировать о тех явлениях, которые мешают воплощению идеального и героического» [1, 3]

В статье рассматривается роман, который интересуют нас в связи с отражением в нём восточных, точнее, коранических мотивов – «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина» [2]. Вл. Соловьёв, словно подтверждая значительность такой темы, писал: «Если признавать в истории внутренний смысл и целесообразность, - отмечал он, - тогда, без сомнения, такое мировое